

даем в приложении; здесь скажем, что с первой же страницы рукописи бросается в глаза большое количество украинских особенностей в языке статей, как фонетических, морфологических, так и синтаксических: некоторые статьи кажутся как бы переводом с польского — так обильны в них полонизмы, обычные в украинской литературной речи XVI и XVII веков.

Известно, что редакционная обработка литературного памятника, вносимого в сборник известного состава, подчиняется требованиям его основного назначения; таково, например, приспособление к богослужебным целям «Слова Илариона о законе и благодати» во второй его редакции, или ряда статей, вошедших в Пролог. Вместе с тем следует заметить, что и в сборниках, имевших определенное назначение, подбор статей делался далеко не случайно, а руководствуясь некоторой общностью в их содержании. Так, и в интересующем нас случае, в сборнике № 233, можно попытаться из самого состава его объяснить, почему «Слово» Даниила Заточника было в него включено, и поискать, нет ли нитей, связующих его с другими статьями сборника. Кроме ряда «слов» на праздники, в нем мы находим немногочисленные жития, но главным образом, особенно с главы 73, — комплекс специфически-назидательных поучений, изложение которых отличается сжатостью, афористической манерой.

Большинство этих «слов» Сборника касается отношения богатых к бедным, подданных — к князю, обидимых — к обижаящим, судиям, князьям, властелем неправосудным». Кроме того, в ряде случаев в «словах» находим мысли и выражения, тождественные и близкие к «Слову» Даниила Заточника. Есть и такие намеки: среди нищих «многожды искусна мужа приемлещи»; подобно просьбам Даниила — автор одного из «слов» просит «хлѣба и сребра мало» (л. 373 об.). Все это достаточно объясняет нам, почему «Слово» Даниила Заточника было внесено в сборник: в связи, рядом с поучениями общеучительного характера, оно рассматривалось составителем сборника как одно из таковых. Таковым же оно казалось и в частности — рядом с группой «слов» о милостыни и покровительстве нищим, странникам, убогим, вообще обиженным судьбою, а может быть, и в связи со «словами» о неправедных князьях, «судиях» и «властелях». Позволю себе привести прямую параллель к «Слову» Даниила Заточника из «слова» «како подобает творити милостину прежде домашним своим» (гл. 76): «Аще убо насытился еси, помяни алчнього, и напнтался еси, помяни жадного, сѣгрѣлся еси, помяни трепещущаго зимою. Въ храмини краснѣ и въ висоци сѣдиши, уведи скитающася в дом свой»; ср. в «Слове» Даниила Заточника более картинное изображение участи убогого, о которой должен помнить богатый: «Но егда веселишися, княже, многими брашна, а мене успомяни сух хлѣб ядуще... егда лежишь на мягких постелях под сѣболими одѣяя, а мене помяни... зимою умирающа».

Афоризмы о милостыне не раз встречаются в «словах» Сборника, напоминая об изречениях Даниила Заточника, например в «слове Сихаровом о милостыни» (гл. 108) читаем: «Огнь бо водою погашают, а милостинею очищают грѣси» (л. 387).

Включая «Слово» Даниила Заточника в учительный сборник, составитель сблизил даже самое заглавие его с обычным типом заглавий «слов» и «повчений», окружающих наш памятник: он заменил в этом заглавии слово «еже» (вар. «иже») на «како», хотя по смыслу эта замена и не была нужна. Таким образом, постоянная для памятника форма заглавия «Слово Даниила Заточника, еже написа... князю» в нашем сборнике превращена в тот тип заглавий учительных слов, который переходным «како» кратко сообщает о теме поучения: «Слово Даниила Заточника, како писа